

Его ни с кем не спутаешь, так резко он индивидуален и далек от традиционного облика мима.

Легкое, ладное тело, гибкое и грациозное, словно созданное для балета. Подчеркнутый лаконизм костюма. Кровотокающий оскал трагической маски на набеленном лице. Фиолетовый лоснящийся парик. Внешность эксцентрическая и неизменная для всей программы, вклю-

чувства: от незамутненных радостей ребенка до вселенской боли за поруганное человеческое достоинство. Отличительное свойство Дариуса — в глубочайшем сострадании всему живому, терпящему насилие. Об этом кричат расширенные глаза, вывернутый рот, побелевшее от ужаса лицо Пьеро. Не случайно Дариус из всех своих персонажей желал бы все время, если бы позволили об-

сельское утро, в нежный птичий щебет автоматной очередью, бряцанием солдатских сапог в «Гибели огородного пугала», просачивается визгливой бранью в мир грез Мечтателя.

Миру насилия и зла Адам Дариус противопоставил пасивный мир одинокого человека — Мечтателя, Бродяги, Поэта. Он поэтичен и нежен, в нем хранятся дорогие воспоминания, святые символы:

ИСКУССТВО АДАМА ДАРИУСА

чающей 14 пантомимических сценок. Каждая в своем жанре — монолог, исповедь, драма.

Искусство Адама Дариуса требует определенной культуры восприятия, напряжения мысли сопереживающего зрителя. Это сложное искусство.

Артист начал путь в искусстве с балета. Он выученик хореографической школы Анатолия Обухова и Веры Немчиновой в Нью-Йорке. Спустя некоторое время, он постигает азбуку японского классического танца, берет уроки актерского мастерства и одновременно занимается музыкой. И так, через танец, музыку, слово — к пантомиме — всеобъемлющему, синтетическому искусству.

Дариус — полноправный хозяин своего театра. Он и режиссер, и либреттист, и балетмейстер. Помогает ему ассистент, исполняющий обязанности светотехника, звукоформирателя и костюмера одновременно. Дариус неистощим на выдумку, он извлекает из недр своей фантазии и памяти десятки образов, человеческих типов и темпераментов, рассмотренных в жизни, навеянных смежными областями искусства или историей человечества вообще. Почти всегда это поэтические обобщения, эмоциональные, несущие и пробуждающие мысль, порой облаченные в одежды символов и аллегорий. Ему подвластны многие

стоятельства, играть лишь любимого циркового клоуна, героя пантомимы «День закрытия цирка», собрата по искусству, фанатично преданного своему делу, с его эксцентричными манерами, щутовской буффонадой и постоянной затаенной грустью.

У него нет постоянного героя, как, скажем, у Марсо. Слово библейский Ной, грузит мим в свой ковчег чистых и нечистых, пороки и добродетели. И сам борется в этом мире, поделенном на две неравные доли, ибо мрачных красок у него больше. Он не может пройти мимо человеческих страданий. Эта тема — ведущая в его творчестве.

В пантомиме «Боязнь замкнутого пространства» (она заставляет вспомнить «Жизнь человека» М. Марсо) извечные муки роженицы не оправданы жизнью рожденного ею мученика, ежедневно терзаемого тяжким отупляющим трудом и умирающего с судорогами и конвульсиями, погребенного в одиночной камере, словно во чреве матери. Жизнь — способ пытки, замкнутое пространство или капкан, в котором корчится человек («Ловушка»), и в финале опять предсмертная агония. Страдания — результат вторжения чуждого, враждебного мира «нечистых». Этот мир зол и агрессивен. Он врывается в прозрачное

морская раковина, цветок розы, чья-то атласная туфелька («Бродяга»), красный шарик, напоминающий давно прошедшее детство, материнское тепло. Этот мир покоем до тех пор, пока не пощучат, не позвонят, не окликнут из чуждой ему агрессивной действительности.

Дариус — артист блестящей техники, отточенной многолетним тренажем. Его отличает почти девичья грация движений (он прекрасно справляется с мимической партией Баттерфляй) и необычайно выразительные руки, по-восточному певучие от предлечь до кисти. Так с помощью одних только рук мим передает сложную шкалу чувств и движений в этюде «Влюбленные» на музыку К. Дебюсси. Дариус показал себя и великолепным мастером портрета. Мимолетный штрих — и перед нами испанский гранд или король немого экрана с наклеенной улыбкой и заученными манерами, или тореадор — мы узнали его по горделивому изгибу напряженного тела.

Сложное, насыщенное искусство Адама Дариуса по-разному воспринимается зрителем. Актер раскрывает перед нами свой мир, оставляя за зрителем право выбирать, делать выводы, извлекать уроки.

Л. КРУНДЫШЕВА.